

ВОТ ВАМ ВЕНОК,
ЛЕДИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Парни, собравшиеся посмотреть, как умрет Весси, сгрудились у стойки бара. Они делали вид, что им все нипочем, но им явно было не по себе.

Я вошел в бар как раз в тот момент, когда спиртное уже ударило им в голову. Увидев меня, они подняли возмущенный ор.

— Боже ты мой, вы только гляньте, кто к нам пожаловал, — крикнул Барри, — мистер Злоба дня.

Барри Хьюсон был неплохим парнем, но в мозгах у него царил кавардак. Я заказал виски и улыбнулся.

— Привет, ребята, — сказал я, помахав им рукой. — Держу пари, что у кого-то сегодня испортится настроение.

Их не устроила такая шутка, и они угрюмо меня окружили. Хьюсон ткнул меня в грудь указательным пальцем. Просто обожаю, когда меня тычут в грудь. Барри был пьяный, и я решил с ним не связываться.

— Послушай, приятель, — сказал он, прищурившись, чтобы получше меня разглядеть, — на такое дело только по приглашению. Ты тут в полете. Будь пайнкой и проваливай.

Я проглотил виски и показал ему свою пресс-карту.

— Ребята, вы там не единственные, — сказал я. — Куда вы, туда и я.

Хакеншмидт из «Глобуса» сдвинул свою шляпу на затылок.

— Как это ты всегда в выигрыше? — спросил он, его жирное лицо блестело как масляный блин. — Тебя тут вроде не стояло, а ты первый на раздаче.

Я кивнул:

— Знаю, это непросто, но так получается... Лучше рано, чем поздно, как сказала стюардесса одному пассажиру.

Хьюсон наполнил свой стакан и посмотрел на часы.

— Крайний срок — двенадцать ноль одна, — сказал он.

Хакеншмидт схватил пригоршню соломинок для питья и разделил их на два пучка; отложив один в сторону, он тщательно пересчитал оставшиеся соломинки. Я внимательно наблюдал за ним.

— Ты меня не учел, — заметил я, когда он закончил счет.

Этот тип приподнял свою толстую губу. Так он изображал насмешку.

— Неужели? — сказал он. — Думаю, ты тут ни при чем.

Я наклонился к стойке, выбрал одну соломинку и протянул ему:

— Положи ее в пучок и не дури.

Он посмотрел на меня, а я на него. Затем он взял у меня соломинку. Некоторые из этих сопляков думают, что они крутые парни. Но Хакеншмидт был просто придурком.

Одна из соломинок была намного короче остальных. Тот, кто вытянет короткую, услышит последние слова Весси. Я очень хотел, чтобы этот шанс выпал мне.

Хьюсон тянул первым, но короткая соломинка ему не досталась. Я пропустил перед собой еще троих, потом аккуратно протиснулся вперед, и все расступились. Я знал, какая из соломинок короткая, так что ее и заполучил.

Остальные стояли вокруг, пялясь на меня.

— Твой первый ход, — произнес Хьюсон. — Только не вздумай нарушить правила.

Я отбросил соломинку.

— Ты свое получишь, — сказал я. — Не волнуйся.

На часах было 11:20. Самое время опрокинуть еще пару стаканчиков. Эти парни глушили виски так, будто ожидали собственной смерти.

Выйдя на улицу, мы погрузились в три автомобиля, которые должны были отвезти нас к тюрьме. Хьюсон, Хакеншмидт и я с двумя другими парнями забрались в первую машину. Хьюсон сел за руль, а я занял место рядом с ним.

Когда автомобиль тронулся, Хьюсон спросил:

— С чего бы у тебя такой интерес, Ник?

Я усмехнулся. Хьюсон был стреляный воробей, но от меня он ничего не добьется.

— А почему бы и нет? — сказал я. — Весси поднял большой хай, разве не так? Я подумал — посмотрю, как его отправят на тот свет. В любом случае эти газовые штучки-дрючки для меня в новинку.

— Тебе что, этого не хватает? — спросил Хьюсон, обогнав тяжело груженный фургон.

Я пожал плечами:

— Вроде как.

— Думаешь, это сделал Весси?

Я снова усмехнулся:

— А ты думаешь — нет?

Хьюсон тихо ругнулся:

— Слушай, ты, задница, если за этим что-то стоит, то поделись. Я кое-что сделал для тебя и полагаю...

— Брось ты! — коротко сказал я. — Откуда мне знать, он или не он? Присяжные повесили на него, верно?

— Меня не интересует мнение присяжных. Я спрашиваю, что ты об этом думаешь.

— Я никогда не думаю, коллега, — поспешил я ответить. — Просто жду, когда что-нибудь произойдет.

Хьюсон хмыкнул.

— Ладно, умник, — сказал он. — Жди у моря погоды.

Мы добрались до тюрьмы в 11:40. Когда мы подъехали, за воротами нас ждали еще несколько наблюдателей. В тусклом свете все они выглядели напряженными и слегка потеснились, когда мы вывалились из машин. Так мы и стояли там кучкой, делая вид, что не знаем, зачем мы здесь, пока в 11:45 не открылись ворота.

Два надзирателя проверили нашу аккредитацию и быстро нас обыскали. После казни Снайдер¹ власти до смерти боялись,

---

¹ *Рут Браун Снайдер* (1895–1928) была казнена на электрическом стуле в тюрьме Синг-Синг за убийство своего мужа, Альберта Снайдера. Репортер «Нью-Йорк дейли ньюс» Том Ховард тайно сделал фотографию этой казни, и снимок появился во всех газетах. Это была первая фотография, на которой запечатлена казнь на электрическом стуле.

что кто-нибудь протащит сюда фотокамеру. Парни знали, что это бесполезно, и полицейские знали, что те это знают, так что шмон был просто для проформы. Затем мы двинулись через лабиринт ворот, которые запирались за нами еще до того, как мы проходили в следующие.

Мы шли гуськом и, полагаю, выглядели как славная компания профессиональных плакальщиков. Мы миновали большие тюремные корпуса, и наши шаги гулко повторяло эхо. В камерах было темно и тихо. Здание, где исполнялись смертные приговоры, находилось в дальнем углу огромного тюремного двора.

Мы обошли катафалк, припаркованный перед ним. Некоторые из нас просто мельком глянули на этот фургон и поджали хвосты.

В «доме смерти» было два входа. Один вел в узкий проход между «камерой смерти» и наружной стеной здания. Другой — в маленькую камеру, где находился Весси, в нескольких футах от входной двери.

Рядом с этим строением не было никаких других зданий. Оно единственное занимало угол двора, где заключенные играли в мяч. Когда мы шли по двору, на наши ботинки осела пыль, и мы внесли ее в помещение, где исполнялись смертные приговоры.

Охранник остановился у входа:

— Кто тут из вас на «последнее слово»?

Я вышел из цепочки и указал на себя большим пальцем.

— О'кей, — сказал он. — Подождите здесь.

Остальные прошли по коридору и сгрудились перед стеклянными окнами газовой камеры. Хьюсон был последним, кто занял свое место. Проходя мимо, он сказал мне:

— Осторожней там, приятель.

Я был удивлен тем, что улыбка далась мне с трудом. Это мероприятие заставляло меня немного нервничать.

Газовая камера восьмиугольной формы была сделана из стали, с окнами со всех сторон. Узкий проход, по которому проследовали дальше все остальные, был устроен так, что между наружной стеной и камерой оставалось четыре фута пустого

пространства. Из газовой камеры вверх тянулась очень высокая стальная труба, через которую выводился наружу газ по окончании казни.

На моей стороне места было немного больше. Я заглянул в камеру. Она была около пяти футов шириной и пуста, если не считать стального стула в центре, с ремнями. Под стулом были подвешены капсулы с цианидом. Мне не понравилась камера. У меня даже мурашки побежали по спине, когда я представил, что сижу там.

С того места, где я стоял, сквозь стекло камеры я мог видеть парней на противоположной стороне, смотрящих на меня в свое окно. Они помахали мне, и я изобразил, что опрокидываю в себя две порции вискаря. Эти парни выглядели в точности как кучка обезьян, собравшихся за стеклом.

Я приехал ради того, чтобы встретиться с Весси, поэтому решил, что могу взглянуть на него. Он сидел в своей камере и курил сигарету. На нем не было никакой одежды, кроме трусов.

Я посмотрел на охранника:

— Какой смысл в таком его виде?

Охранник заглянул в камеру:

— Мы всегда раздеваем их, насколько возможно. Газ пропитывает одежду, и потом ее трудно снять.

— Когда туда посадят даму, будет большой ажиотаж из-за пропусков, — сказал я.

Охранник поморщился. Наверное, он чувствовал себя не очень здорово.

— Да, — сказал он, — но тогда вас, зевак, сюда и близко не подпустят.

Весси был крупным парнем с угрюмым, тяжелым лицом. На мой взгляд, он довольно спокойно относился к тому, что его ожидало. Его глаза остекленели, и он был мрачен, но в нем не замечалось никакой паники.

Капеллан, беспокойный толстый коротышка, опустив голову, сидел рядом с ним на стуле и читал молитву. Весси то и дело поглядывал на него и облизывал губы. Я видел, что ему хотелось, чтобы капеллан прекратил молиться.

Я почувствовал, как меня внезапно охватила дрожь, будто стало холодно. Но это было не так. Я, наоборот, вспотел. По коридору быстро прошел начальник тюрьмы. Его лицо было зеленовато-бледным, и он не смотрел на меня.

Он просто сказал «о'кей» охраннику.

Они отперли дверь в маленькую камеру. Лицо Весси напрыглось, и он посмотрел на меня поверх охранников. Меня не вдохновляло встречаться взглядом с этим парнем, но я подумал, что, может быть, мне лучше немного подбодрить его. Я подмигнул ему. Наверно, ничего хуже придумать я не мог, но мне просто хотелось выразить ему свое сочувствие.

Охранник похлопал его по плечу, и Весси встал. На ногах он стоял более твердо, чем я. Капеллан продолжал бубнить свое. Но похоже, от этих молитв толку было мало.

Весси вышел из камеры. На нем были наручники, и он продолжал вращать кистями рук, так что браслеты позвякивали.

Начальник тюрьмы мрачно зачитал смертный приговор, и голос его звучал как-то странно. Я видел, что у него за ухом стекает струйка пота. Закончив, он сказал:

— Последнее слово будет?

Именно этого я и ждал. Я подался вперед, чтобы быть ближе к Весси. Краем глаза я видел, как остальные прижались к стеклу, следя за происходящим и пристально наблюдая за мной. Весси в упор посмотрел на меня.

— Вы взяли не того парня, — сказал он не совсем ровным голосом. — Я этого не делал.

Охранники сомкнулись вокруг него, но Весси внезапно напрыгся. Он продолжал смотреть на меня.

— Раскрой это дело, Мейсон, — пробормотал он. — Тут замешан Лу Спенсер. Ты должен взять его, это был Лу, слышишь?

Стражники засуетились и втокнули его в газовую камеру. Я сделал запись, чтобы порадовать парней, но последние слова Весси я опустил.

Весси усадили на стальной стул с гранулами под ним. Затянули ремни. Пока все это продолжалось — не больше сорока пяти секунд, — он не сводил с меня глаз. Я кивнул ему, давая

понять, что займусь этим. Он увидел, что я не оставил его слова без внимания, и облегченно вздохнул.

Охранник притащил керамическую посудину с серной кислотой и поставил ее под стул — прямо под гранулы. Затем он быстро вышел. Начальник тюрьмы осмотрел ремни — один на груди Весси, по два на каждой руке и по одному на каждой ноге. Потом положил руку на плечо Весси.

— Ты уйдешь быстро, мальчик, — сказал он. — Сделай глубокий вдох, ты ничего не почувствуешь.

Затем он вышел из камеры.

Весси остался один.

Охранник захлопнул тяжелую стальную дверь и задвинул засовы. Мы с начальником тюрьмы стояли и смотрели в газовую камеру через маленькое окошко у двери. Десять секунд ожидания, и эти десять секунд показались мне десятью годами. Я почувствовал, как колотится сердце.

Весси медленно повернул голову, оглядев лица, наблюдавшие за ним. Он начал осознавать, что его ждет.

Начальник тюрьмы смотрел на часы. Он протянул руку и положил ее на рычаг, который опускал гранулы в кислоту. Было заметно, каких усилий ему стоило потянуть этот рычаг, — какое счастье, что это должен был сделать он, а не я. Я больше не мог смотреть на Весси. Оказалось, что я не свожу взгляда с руки начальника тюрьмы. Я видел, как постепенно напрягаются его мышцы. Затем, с легким присвистом выдохнув сквозь стиснутые зубы, он дернул рычаг вниз. Отчетливый шлепок означал, что гранулы упали в посудину. При этом звуке Весси замер на стуле. Из кислоты начал струиться вверх белый газ. Весси натянул ремни, и мышцы на его руках внезапно вздулись.

Газ быстро поднимался. Мне показалось, что я чувствую вкус горького миндаля, — но я знал, что это безумие. Мое воображение было сильнее доводов разума.

Весси почувствовал этот газ. Он откинул голову назад и замотал ею, пытаясь увернуться от испарений. Стальной стул ограничивал его движения. Я видел, как он старался не дышать. Этот парень делал себе только хуже. Наконец он не смог

больше удерживаться и вдохнул. И в тот же момент получил большую дозу газа.

Он вдруг закричал:

— Нет! Нет!

Его крик разнесся по камере и дошел до нас, приглушенный и жуткий.

Я поймал себя на том, что вцепился в стальной засов двери. Мне стало тошно.

Весси задыхался, глотал ртом воздух и рвался из оков. Мне хотелось вытащить пистолет и поскорее его прикончить.

Доктор, стоявший рядом со мной, одним глазом следил за секундомером. Тридцать секунд, тридцать пять — Весси продолжал биться. Сорок пять секунд — и его голова откинулась назад. Доктор нацарапал время на чистом листе бумаги, который держал перед собой. Весси, казалось, потерял сознание.

Его голова была запрокинута, и он перестал кашлять. Испарения наполнили камеру. Очень медленно его голова стала клониться вперед. Постепенно она опустилась на грудь, длинные черные волосы, упав на глаза, закрыли лицо. Я видел, что мышцы его живота все еще сокращаются. Прошло уже три минуты. Голова его шевельнулась и чуть приподнялась.

— Он мертв, — сказал доктор тихим усталым голосом.

Я отошел от окна. С противоположной стороны газовой камеры, сопровождаемый всеми, кто там был, выскочил Хьюсон. Все с вытаращенными глазами, и всем явно было нехорошо. Я и сам чувствовал то же самое. Чтобы умереть, Весси потренировалось больше четырех минут.

— Что он сказал? — спросил Хьюсон.

Я пожал плечами:

— Он сказал: «Вы взяли не того парня, я этого не делал».

— Вот как? — усмехнулся Хакеншмидт. — Так же он таявал и во время суда.

Хьюсон с недоверием смотрел на меня.

— Он сказал что-нибудь еще?

Я покачал головой:

— Нет... только это.

Журналисты бросились к выходу. Тут же началась схватка за телефоны и телеграф. Я пропустил всех вперед.

Начальник тюрьмы коснулся моей руки.

— Я бы не стал придавать большого значения словам о Спенсере, — сказал он как можно небрежней.

Я остановился и посмотрел на него, но лицо его было непроницаемым.

— У вас ведь иное мнение? — с надеждой спросил я.

Он покачал головой:

— Мне лучше забыть об этом.

Я слегка надвинул шляпу на глаза:

— Вы слышали анекдот про парня с деревянной ногой, который играл в пинг-понг?

Начальник тюрьмы кивнул.

— Да, — сказал он, — приходилось.

Я направился к выходу.

— Считаю, что это, видимо, тот самый случай, — сказал я и вышел.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Я отправился в пресс-центр Главного управления полиции. Там был один парень, с которым мне хотелось поговорить, и я надеялся, что он окажется на месте. Так оно и случилось.

Я толчком открыл дверь и мельком оглядел прокуренное помещение. Четверо из обычных завсегдаев за маленьким столом в центре играли в карты. В углу на потрепанной кушетке спал Экки.

Никого уродливей, чем Экки, мне еще видеть не доводилось. Он был коротышкой; жесткие волосы торчали у него из ушей, из носа, а также из-под воротника. Его лицо, должно быть, вызвало у акушерки ужас, когда он родился, но я знал, что он был здесь одним из самых толковых журналистов.

Я подошел к нему и придвинул стул. Затем потормошил его, чтобы разбудить.

Он сел и сердито вытаращился на меня.

— Дорогой мой, — сказал он, — можно, я немножко посплю?

— Забудь об этом, Мо, — ответил я. — Сиди, я хочу с тобой поговорить.

Экки с силой потер лицо рукой, поворачивая свой резиновый нос под самыми неожиданными углами.

Я достал пачку «Кэмел», дал ему сигарету и закурил сам.

— В чем дело, бродяга? — спросил он. — Держу пари, ты снова хочешь поковыряться в моих мозгах.

Я отрицательно покачал головой.

— У тебя нет мозгов, — сказал я. — Тебе просто кажется, что они у тебя есть.

Экки закрыл глаза.

— Сегодня ночью они разделались с Весси, — произнес он.

— Да? — удивленно сказал я.

— Почему это тебя так напрягло? — поинтересовался он, не открывая глаз.

— С чего ты, черт возьми, решил, что меня это напрягло? — спросил я.

Когда Экки улыбался, он выглядел ужасно. Я отвел взгляд.

— Как будто я не слышу, — ответил он. — Почему это тебя так напрягло?

— Послушай, Мо, — терпеливо сказал я, — я пришел спросить тебя кое о чем, а не отвечать на твои вопросы.

Он поднял одно прикрытое веко и прищурился.

— Что случилось, коллега? Что-то не так?

Все эти жадные до новостей стервятники были одинаковы. Я глубоко затянулся и задержал дым на секунду, а потом выпустил его из ноздрей.

— Не думаю, что это сделал Весси, — сказал я, понизив голос.

Экки тяжело вздохнул и закрыл глаз.

— Теперь он мертв, верно?

— Этот парень, Ричмонд, — проговорил я, подбирая слова, — полагаю, у него было больше врагов, не один лишь Весси?

— Да, у него было больше врагов, чем у большинства парней. Ричмонд был сволочью. Он получил поделом.

— Там была женщина, причастная к убийству, верно? Ее так и не нашли.

Экки пожал плечами.

— Там были сотни женщин, — равнодушно сказал он. — У этого парня в башке только женщины и были.

— Кто она? — тихо спросил я.

Экки поднял голову.

— Поздно спохватился, — заметил он. — Ричмонд мертв, и Весси мертв; оба эти парня были крысами. Все кончено... забудь об этом.

— Почему, черт возьми, все хотят замять это дело?

Экки усмехнулся:

— Неужели?

— А теперь послушай, Мо, — сказал я. — Есть кое-что, что ты знаешь, и кое-что, что знаю я. Что, если мы заскочим ко мне и потолкуем?

Экки покачал головой.

— Как только ты выйдешь отсюда, я сразу же усну, — твердо заявил он.

Я пожал плечами:

— Нас там ждет целая бутылка вискаря.

Экки поспешно встал:

— Что же ты сразу об этом не сказал? Где, черт возьми, моя шляпа?

По дороге ко мне Экки болтал о бейсболе. Он мало что понимал в этой игре, но ему нравилось высказывать свои взгляды. Я не мешал ему говорить. У меня было о чем подумать.

Усадив его в кресло и вручив ему большой стакан виски, приправленного имбирем, я приступил к делу.

— Дальше меня это не пойдет, Мо, — начал я, положив ноги на стол, — но похоже, что я не могу раскрыть карты, пока ты не протянешь мне руку. Мне нужна помощь, Мо, и я хочу получить ее от тебя.

Экки хмыкнул, но ничего не ответил.

— Я могу получить десять тысяч баксов, если подниму хай из-за казни Весси, — сказал я.

Экки резко поднял голову:

— Кто тебе отвалит такие бабки?

Я покачал головой:

— Это секрет. Десять тысяч — хорошие деньги, и из того, что я уже узнал, выходит, что дело Весси — сплошная туфта. Похоже, оно с самого начала было сфабриковано.

Экки с тревогой посмотрел на меня.

— Тебе лучше оставить это, Ник, — серьезно сказал он. — Ты можешь столкнуться с кучей неприятностей.

— Ну же, — коротко сказал я, — давай. Что все это значит?

Я видел, что он принимает решение. Минуту спустя я понял, что моя взяла.

— Ларри Ричмонд был президентом «Маккензи текстиль корпорейшн», — медленно произнес он, глядя куда-то поверх моей головы. — Очень многие ребята являются акционерами в этом бизнесе. Эти ребята — большие шишки в торговле и промышленности. Люди, которые занимают государственные посты.

Я снова наполнил его стакан. С легкой grimасой Экки взял его.

— Не стоит лезть в это дерьмо, — предупредил он. — Оно у меня уже в печенках сидит.

— Продолжай, — сказал я.

— Может, ты думаешь, что тут нет ничего необычного, но это не так. Ричмонд лично договаривался с этими людьми обо всех акциях. Их никогда не выбрасывали на открытый рынок. Ты же знаешь, как Ричмонд держался в обществе. Ему стоило только появиться и парочку раз намекнуть, и все — партия ценных бумаг выпускалась по подписке. — Он замолчал, чтобы сделать большой глоток. — Если сейчас возобновится расследование обстоятельств смерти Ричмонда и что-нибудь всплывет, у этих акционеров будут большие проблемы.

Я не торопил его. Все это было для меня новостью, и я не знал, куда оно меня приведет.

— Как это? — спросил я.

Экки перевел взгляд на меня.

— Даже у моего босса есть акции в этом бизнесе, — сказал он. — Он велел нашим ребятам не совать нос, куда не надо. Точно неизвестно, но у нас есть подозрение, что «Маккензи текстиль корпорейшн» — это ширма, на самом деле это жульническое предприятие, и оно приносит большие барыши. Парни, у которых там бабки, ничего не хотят знать — они до смерти боятся, что какая-нибудь умная обезьяна вроде тебя придет и все это разнохает.

Я встал:

— Так что там?

Экки пожал плечами:

— Бог его знает. Ясно только, что в этом бизнесе замешано много важных персон, поэтому туда соваться крайне опасно.

— Весси подставили?

Экки кивнул:

— Конечно, Весси подставили. Кого-то не устроили собственные дивиденды, поэтому он пристукнул Ричмонда. Этот человек был связан с фирмой. Они не могли преследовать его судебным порядком, чтобы не выплыло все наружу, поэтому нашли козла отпущения — повесили убийство на Весси. Вот и вся история, приятель, а теперь забудь об этом, ладно?

— Кто такой Лу Спенсер? — спросил я.

Экки бросил на меня быстрый взгляд:

— Спенсер был правой рукой Ричмонда. Он тот самый парень, который захватил власть теперь, когда Ричмонд мертв.

— Лу Спенсер был тем парнем, который убил Ричмонда, да?

Экки побледнел.

— Я этого не знаю, — ответил он настороженно.

— О'кей, Мо, — сказал я. — Ты дал мне информацию. Большое спасибо.

Экки встал.

— Ты ведь не собираешься влезать в это дело? — с надеждой спросил он.

— Что бы ни случилось, я буду действовать осторожно, — ответил я. — А помнишь, говорили, что Ричмонд обхаживал девушку Весси и именно поэтому Весси прикончил его?

Экки кивнул.

— Да, — сказал он, — помню.

— Кем она была, Мо?

Экки нахмурился.

— Она была французской шалавой, — медленно произнес он. — Они прикрыли ее на суде. Анри или как-то так... Они называют ее крутой Блонди.

Я почесал в затылке.

— Она профессионалка? — удивленно спросил я.

— Знаешь, Весси любил таких, которые сами о себе забываются.

— Думаю, мне надо встретиться с этой дамой, — сказал я. — Может, что-нибудь выведаю.

— Точно не знаю, но вроде она ходит по вечерам в «Хоча-клуб».

Я похлопал его по спине и повернулся к столу:

— Вот твой вискарь, старина. Думаю, ты заслужил.

— Это точно, приятель, — усмехнулся он. — Интересно, кто тот парень, готовый отвалить десять тысяч за то, чтобы раздуть эту историю?

Я подтолкнул его к двери.

— Моя дорогая тетя Красава, — сказал я, выпроваживая его в темный коридор.

— Да? — сказал он. — То есть твоя дорогая тетя Задница, верно?

Я закрыл за ним дверь.

Убедившись, что он ушел, я достал из буфета вторую бутылку виски, снял с нее обертку и вытащил пробку. С бутылкой я пошел в другую комнату и сел на кровать. Я медленно разделся, пытаясь собраться с мыслями. Затем взял стакан, сельтерскую с имбирем и лег.

Все это следовало обдумать. Похоже, еще та работенка. Она не вызывала у меня беспокойства, но хотелось бы понять, куда я держу курс.

В настоящем дела мои шли неплохо. Я продавал статьи куда хотел и когда мне это было нужно. Редакторам нравились

мои материалы, и мне платили по высокой ставке. У меня была отличная маленькая квартирка и достаточно выпивки, чтобы круглосуточно смачивать горло.

Я сел и смешал виски в стакане.

Допустим, я что-то предприму и начнется расследование. Если выяснится, что «Маккензи», или как они там называются, — это чистое жульничество, вокруг поднимется вой, и причиной буду я. Возможно, газеты после этого перестанут иметь со мной дело. Возможно, за десять тысяч я потеряю все, что имею. С такой точки зрения все это выглядело совсем непривлекательно.

Я поставил стакан на ночной столик возле кровати и закурил сигарету. Когда я ложусь в постель, обремененный подобными тяжкими заботами, я всегда представляю, как было бы здорово, если бы рядом со мной была какая-нибудь симпатичная деваха, готовая выслушать мое нытье и дать совет, который стоило бы обдумать.

Женщины еще как умеют утешать, и чем больше я об этом думал, тем больше мрачнел. Когда я уже пребывал в довольно жалком состоянии, телефонный звонок прервал мои размышления. Подняв трубку, я взглянул на часы. Было начало третьего.

— Да? — спросил я, удивляясь, кому это так приспичило.

— Ник Мейсон?

Услышав металлический голос, я сел. Моя рука дрогнула — стакан выскользнул из пальцев и разбился. Но даже утрата доброй порции виски не отвлекла моего внимания от этого голоса.

Четыре дня назад она впервые позвонила мне. Не называя себя, сказала, что я получу пропуск на казнь Весси и что я должен постараться узнать его последнее слово. Чтобы я не думал, что это розыгрыш, она пообещала заплатить мне десять тысяч долларов. Я не успел ничего ответить, как она повесила трубку.

Черт! Вот это интрига! Я был готов заниматься подобного рода вещами от зари да зари. И стимулом тут были не только деньги — от самой этой истории у меня сносило башню.

И вот она снова звонит. Невозможно было не узнать этот голос — ясный, звонкий и твердый.

Я снова опустил голову на подушку, крепко сжимая трубку.

— Да, это я, сестрица, — сказал я.

— Вы ходили?

— Да.

— И что там было?

— Он мертв. Я слышал его последнее слово. Он сказал, что здесь замешан Лу Спенсер.

В трубке раздался ее вздох.

— Он так и сказал? — требовательно спросила она.

— Да... Послушайте! В чем тут дело? Зачем вам все это?

— Я собираюсь отправить вам пять тысяч долларов, чтобы вы занялись этим. Когда узнаете всю правду и напишете об этом, я пошлю остальные пять тысяч.

Я испугался, что она повесит трубку, и поспешно сказал:

— Знаете, я прикинул, подумал... Слишком много головной боли.

В трубке воцарилось долгое молчание.

— Вы здесь? — запаниковал я.

— Да, — ответила она. — Я полагала, что вы будете рады заняться этим. Вижу, я ошиблась.

— А что, если мы встретимся и все обсудим? — сказал я. — Там огромная организация, золотко. Замешаны большие шишки... Это надо обговорить.

— Думаю, вы справитесь, — сказала она и, прежде чем я успел ответить, повесила трубку.

Я лежал, ругая ее на чем свет стоит. Но это мне ничего не дало. Она была права насчет того, что меня это заинтересует. Мне нравилось совать свой нос туда, где запросто было обжечься. В этом деле было много такого, что могло оказаться любопытным. Я положил трубку и выключил свет. В темноте думалось гораздо лучше.

Я тщательно обмозговал эту тему. У меня было несколько зацепок, которые нужно было проверить. Во-первых, я бы взглянул на акционеров «Маккензи текстиль корпорейшн».

Затем я мог бы заглянуть в фирму и поразнюхать, что там к чему. Придется покопаться насчет Лу Спенсера. Экки был хорошим парнем, и я чувствовал, что он готов помочь мне, если я не стану впутывать его в это. Потом была Блонди. Возможно, я немного развлежусь с блондиночкой. Во всяком случае, к блондинкам я питал слабость. На первый взгляд такой план казался привлекательным.

На этом я позволил себе расслабиться и заснул.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Меня разбудил звонок в дверь. Обожаю это: кто-нибудь обязательно меня будит, едва только во сне мне является блондинка. Какая-нибудь хорошенькая маленькая козочка.

Я вылез из постели и прошел через две комнаты к входной двери.

За дверью стоял специальный посыльный и напевал что-то из Коула Портера¹. Он посмотрел на меня, потом на конверт, который держал в руке.

— Ник Мейсон? — спросил он.

— Да, — сказал я. — Давай уже, паршивец.

Он протянул мне конверт, и я расписался. Он остался на месте, ожидая подачи, — он на нее рассчитывал. Если он думал, что я ему что-то дам, то он был просто психом. Я лишь надеялся, что на обратном пути он свалится с лестницы и сломает себе шею. Я начал закрывать дверь.

— В такой пижаме ты далеко не уедешь, — сказал он и рванул прочь по коридору. Может, думал, что я пну его в задницу.

Я вернулся в спальню и посмотрел в большое зеркало. Парень был прав. Эта пижама выглядела ужасно. Я сел на кровать и вскрыл конверт. На колени мне упали пять хрустящих тысячедолларовых купюр. Никакого письма — только бабло. Несколько минут я сидел и смотрел на них. Это единственное,

---

¹ *Коул Портер* (1891–1964) — американский композитор, автор музыки легкого жанра.

что я всегда готов делать, — сидеть и смотреть на деньги. Затем я сунул их обратно в конверт и положил конверт на стол.

Это, конечно, была ловушка. Я должен был начать прямо сейчас и отработать эти деньги. Я побрел в ванную и снял пиджаму. Холодное покалывание водяных струй взбудрило меня. Как только я заканчивал с этой частью утренних процедур, я всегда пробовал что-нибудь спеть. Может, не каждый бы это оценил, но глотка у меня была что надо. Я обернул полотенце вокруг талии и побрился, затем направился в спальню с мыслью выпить, дабы выполнить последний пункт — одеться.

Две вещи поразили меня, как только я вошел в спальню. В ней стоял тяжелый запах духов, которого, конечно же, не было, когда я выходил из комнаты, а конверт *исчез*.

Я отшвырнул полотенце, схватил халат и, с трудом напялив его, выскочил в гостиную. Входная дверь была приотворена. Я подбежал к окну и открыл его. Улица была пустынна. Мне показалось, что за углом мелькнуло что-то вроде желтого такси, впрочем, я не был в этом уверен. Если это было такси, то неслось оно чертовски быстро.

Я вернулся в спальню и принюхался. Я не из тех парней, которые могут быстро классифицировать запах, но этот был мне хорошо знаком. Это был один из тех запахов, с помощью которых горячие телочки заставляют сосунков бегать кругами.

В тот момент по кругу бежал и я. И сходил с ума, как слепой на стриптизе. Я схватил трубку телефона, чтобы вызвать полицию, но тут меня осенило, и я сел, чтобы поразмыслить.

Эти долларовые банкноты выглядели так славно, а теперь какая-то дамочка их сперла. Я чувствовал себя препаршиво.

После нескольких торопливых глотков из бутылки мне стало лучше, и я оделся. Все это время я гадал, что же мне теперь делать. Чем раньше я начну, тем лучше. Я запер квартиру и спустился позавтракать.

Заказал два яйца всмятку, тост и кофе. Только я собирался приступить к завтраку, как вошел парень, снимавший квартиру напротив. Этот парень вызывал у меня головную боль. Есть такие парни, которые просто не могут не вызывать головной

боли. Вы не знаете почему... Они лезут из кожи вон, чтобы казаться правильными, при этом липнут к тебе, как банный лист.

Я попытался спрятаться за газетой, но было слишком поздно. Он подошел со странным выражением на лице и сел.

— Тебе не следует пускать к себе девиц, Мейсон, — с расстановкой сказал он. — Это создает дому дурную репутацию.

— Заблуждаешься, — возразил я. — У этого дома была дурная репутация задолго до того, как я сюда переехал. Кроме того, я не знаю, о чем ты говоришь. Какие еще девицы?

В этот момент подошла официантка и приняла у него заказ — томатный сок и тосты. Когда она ушла, он налег грудью на стол и подался ко мне.

— Я заметил ее, когда доставал газету, — сказал он. — Она выскочила с такой скоростью, будто ее гнали кнутом.

Я подумал, что, если бы заметить ее довелось мне, она высочила бы еще быстрее.

— Ты спятил, — ответил я. — Как только я увидел тебя, то сразу подумал, что до белой горячки тебе недалеко.

На его лице промелькнуло сомнение, затем он снова заладил свое.

— Ты меня не проведешь, — сказал он, пытаясь ухмыльнуться. — Этакая штучка... я ее видел... горячая телочка.

Я допил кофе и закурил сигарету.

— С тобой часто такое? — с тревогой спросил я. — Держу пари, ты даже сможешь описать ее.

— Конечно смогу, — сказал он. — Высокая блондинка, с макияжем, который меня просто убил. На ней было черное платье, большая черная фетровая шляпа и что-то золотое на шее. Она очень спешила, но я бы узнал ее в любое время.

Я встал, отодвинув ногами стул назад, и с беспокойством посмотрел на него.

— Ты должен что-то с этим сделать, — сказал я. — Сходи к лекарю... у тебя уже бывали глюки?

Я вышел из столовой, а он все сидел и ухмылялся. Оказавшись на улице, я медленно двинулся сквозь толпу людей, спешащих на работу.

Итак, она блондинка, высокая и одета в черное. Хорошая работенка — искать даму с такими приметам. Тем не менее она хапнула мои пять тысяч, и оставалось либо ее найти, либо развести руками.

Может быть, Экки знает, где ее искать. Я зашел в аптеку и позвонил в пресс-центр, но его там не было. Сказали, что, возможно, он в бильярдной Хэнка, но не факт.

Я взял такси до Хэнка — Экки там тоже не оказалось, но вроде как он должен был появиться, поэтому я потратил немного времени на одном из бильярдных столов, чтобы попрактиковаться в прицельных ударах.

Мне никогда не удавалось овладеть искусством этой игры, но она меня притягивала, и всякий раз, подходя к столу, я просто гонял шары. Я так увлекся пушечным выстрелом, который, казалось, стал у меня получаться, что потерял счет времени. Разогнав наконец по лузам свою пирамиду, я подумал, что лучше оставить Экки в покое и выйти на свежий воздух. Только я собрался уходить, в помещение вошел длинный, худой охламон, одетый как пародия на представителя сливок общества, и остановился, уставившись на меня.

— А как насчет партийки, доллар на кону или что-то вроде того, на интерес? — неожиданно предложил он.

Я и раньше встречал подобных охламонов. Они выглядят такими тупыми, что стыдно брать их деньги, но как только они поднимают ставку до двадцати пяти баксов, то заставляют шар чуть ли не степ танцевать.

Я положил кий на стол и покачал головой.

— Я закончил, — сказал я. — А вы давайте — попрактикуйтесь.

Он взял кий и начал с того, что забил прицельный шар в лузу. И после этого выдал одну из лучших демонстраций стрельбы по шарам, которую я когда-либо видел. Он забивал шары в лузы под любым углом, а я просто вынимал их и выкатывал ему обратно. Он придавал шару такое вращение, что тот курсировал по периметру стола. Затем он закончил, сотворив нечто невообразимое, отправив три шара по лузам одним щелчком.

СОДЕРЖАНИЕ

Вот вам венок, леди. <i>Перевод И. Куберского</i>	5
Реквием блондинке. <i>Перевод А. Полошака</i>	193
Ева. <i>Перевод Т. Шушлебиной</i>	411